

АКАДЕМИЯ РУССКОГО БАЛЕТА ИМЕНИ А. Я. ВАГАНОВОЙ: ОПЫТ, ТРАДИЦИИ, ПРАКТИКА

УДК 792

И. А. Пушкина

ИНСПЕКТРИСА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ТЕАТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА

ВАРВАРА ИВАНОВНА ЛИХОШЕРСТОВА

Большинство людей, деятельность которых интересует исследователей и историков театра, — это творческие, безраздельно посвятившие себя искусству художники: артисты, танцовщики, музыканты, поэты, композиторы, живописцы, декораторы...

Героиня нашего исследования не являлась танцовщицей труппы Мариинского театра, не была известной драматической актрисой, не сочиняла стихов и музыки. На протяжении полувека Варвара Ивановна Лихошерстова (см. рис.)¹ состояла сначала классной дамой, а потом — инспектрисой Санкт-Петербургского Императорского театрального училища.

С конца XIX века и до 20-х годов XX века под её бдительным оком прошли воспитание все танцовщицы Мариинского театра. Её знала вся балетная труппа, а для Дирекции Императорских театров она была своим человеком: понимающим с полуслова, верным и исполнительным.

Ростислав Захаров, вспоминая свою школьную жизнь в первое десятилетие после революции 1917 года, писал: «...штат воспитателей в училище был подобран очень хорошо. То были люди широко образованные, получившие в прошлом прекрасное воспитание. Принадлежали они к разным слоям общества, но все, как видно, пришли в театральное училище потому, что очень любили искусство» [1, с. 14].

Документальные сведения об этой даме, которыми мы располагаем на сегодняшний день, скудны и противоречивы. Даже даты рождения и смерти пришлось уточнять, сверяя опровергающие друг друга в этом вопросе именные указатели. [2; 3; 4; 5; 6]. Ее имя упоминают многие авторы воспоминаний и кратких записок о жизни школы и Мариинского театра рубежа XIX–XX вв. С В. И. Лихошерстовой были знакомы: Вл. Теляковский и А. Ваганова, М. Фокин и Т. Карсавина, Е. Лю-

¹ Лихошерстова (урожд. Хижевская) Варвара Ивановна (1854–1935) — классная дама, инспектриса Театрального училища с 1884 по 1924 гг. (всего — 40 лет).

Рис. В. И. Лихошерстова. 1872.

ком и Н. Лисовская, В. Костровицкая и Т. Серебрякова, М. Семенова и Т. Вечеслова, Р. Захаров и даже многие балетоманы.

Первые впечатления о нашей героине оставила А. Я. Ваганова. Она училась как раз в то время, когда Варвара Ивановна только начинала свою деятельность в училище: «Шесть классных дам относились к разным типам воспитательниц. Варвара Ивановна Лихошерстова — спокойная, величественная вдова, воспитывавшая двух сыновей, считалась наиболее справедливой. Говорила она с нами не так-то много» [6, с. 31]. Как следует из документов того времени, В. И. Лихошерстова после ранней смерти мужа, «гвардейского подпоручика», от которого имела двух сыновей, поступила в 1884 году на службу в Театральное училище «надзирательницей при воспитанницах» [7, с. 55]. В этой должности она служила в течение 10 лет. В ее обязанности входило: наблюдение за нравственным и общим развитием девочек, суточные дежурства, сопровождение воспитанниц в театр на спектакли и репетиции, фиксация внутренних происшествий в специальные журналы, общение с родителями о недостойном поведении или невыполнении уроков девочками.

В подтверждение того, что она добросовестно исполняла все возложенные на неё служебные обязанности, приведем впечатления воспитанниц разных лет:

Т. Карсавина, например, писала, что при виде Лихошерстовой «всегда робела» [3, с. 66]. Е. Люком отмечала, что «боялись, (её – И. П.) как огня» [8, с. 146], а Н. Лисовская уточняла, что боялись просто «ужасно, и не так наказаний, которые она предписывала направо и налево, как взгляда сквозь лорнет ее прищуренных ледяных глаз» [9, с. 20]. Более того, чувство робости при её появлении испытывали все, даже «сами воспитательницы» [8, с. 146]. Особенно после того, как Варвара Ивановна по просьбе администрации [10] с 1888 года стала периодически исполнять обязанности инспектрисы училища. В 1894 году, т. е. через 10 лет после начала служения в школе, ее назначили исполняющей² эту начальственную должность:

«Госпоже классной даме В. И. Лихошерстовой,

На освободившуюся вакансию Инспектрисы СПб-го Театрального Училища, по предписанию г. Директора Императорских театров, <...> ...Вы назначены с 15 числа текущего марта, впредь до утверждения новых штатов, исправляющею должность Инспектрисы с производством с этого же числа положенного по означенной должности содержания в год: жалованья 750 руб., столовых 750 руб., а всего 1500 руб. в год при казенной квартире.

Управляющий училищем, И. Рюмин» [11].

Почему Дирекция остановила свой выбор на ней? Все знали, что В. И. Лихошерстова окончила Институт Воспитательного общества благородных девиц³, т. е. она — выпускница Смольного института [12]. Это значило, что она имеет особое воспитание, образование и общую культуру. Смолянок готовили не только для придворной жизни во фрейлинах, но и для светской жизни вообще. Также они могли преподавать и занимать начальственные посты в женских учебных заведениях.

Дирекция, в лице Лихошерстовой, приобретала человека, знающего специфику работы, исполнительного и добросовестного. Её должностные обязанности и полномочия простирались от наблюдения за нравственностью воспитанниц и благополучием учебного процесса до решения вопросов по хозяйству, а также дел, связанных с набором и увольнением персонала на женской половине балетного училища.

А. Ваганова вспоминала: «Когда Варвара Ивановна заняла место инспектрисы, мы еще сильнее почувствовали ее бдительность и строгость» [6, с. 31]. Некоторые бывшие воспитанницы писали, что даже встреч с инспектрисой старались избегать⁴. У Е. Люком находим такие строки: «достаточно было издали заметить медленно плывущую по коридору высокую фигуру в черном платье, как сердце начинало трепетать. Так и стараешься, бывало, нырнуть куда-нибудь в щелочку, с глаз долой» [8, с. 146]. Девочки, увидевшие инспектрису первыми, «предупреждали

² Была утверждена окончательно 1 мая 1897 года (через 3 года).

³ Существует знак выпускницы Смольного института на имя Лихошерстовой В. И., выпущенный в 1871 году. В её архиве хранятся 2 письма на имя Лихошерстовой В. И. от комитета бывших смолянок с предложением сдать 5 руб. / год на Убежище для увечных воинов 1915–1916 гг.

⁴ В статье мы не даем эпизодов конкретных происшествий, хотя каждая мемуаристка вспоминает и описывает такие случаи.

других о появлении на горизонте Варвары Ивановны поднятием открытой ладони — знак понятный всем от младших до выпускных воспитанниц. Вмешивалась она во все уголки нашей жизни, посещала наши завтраки, обеды и ужины, прогулки, прием врача и лазарет, уроки танцев и репетиции, посещение церкви. Даже ночью обходила ряды кроватей...» [9, с. 21].

Самый живописный и выразительный портрет пожилой инспектрисы оставила в своих воспоминаниях Т. Вечеслова: «Варвара Ивановна была личностью незаурядной. Бывшая воспитанница Смольного института, <...>, она не ходила, а плыла по школе. Ее появление нагоняло страх. Высокая, стройная, с абсолютно серебряными волосами и строгим, словно выточенным носом, она была очень красива. Но леденили душу ее глаза, смотрящие на провинившегося. Они были прозрачно-голубые, а в момент гнева сразу выцветали, делаясь почти белыми, и только торчали в них, как два гвоздика, черные зрачки. Когда Варвара Ивановна отчитывала «преступницу», её излюбленным словом было выражение «душенька», которое она цедила сквозь зубы. И столько неприступного презрения сквозило в голосе и во взгляде, что, казалось, лишь воспитание Смольного института мешало ей излить все свое красноречие на голову обвиняемой» [13, с. 25].

Воспитанницы сравнивали ее с Екатериной II на памятнике в садике перед Александринским театром: «крупная женщина, представительной наружности с холодными светлыми глазами. Одевалась она всегда строго, носила платья исключительно синего цвета, как, впрочем, и другие классные дамы. <...> Держалась она очень прямо и надменно (как будто действительно играла роль Екатерины II), руки почти всегда были сложены ладонями вместе, на нас она смотрела в лорнет, висевший у нее на шее. Она любила действовать окриками и держать всех вокруг в страхе» [9, с. 20].

Т. Вечеслова вспоминает любопытные подробности жизни маленьких воспитанниц, когда в этом закрытом учебном заведении ещё сохранялся старый дореволюционный, налаженный и проверенный десятилетиями порядок: «Беготня, громкие разговоры и прочие вольности не разрешались. При встрече с Варварой Ивановной мы должны были глубоко приседать, делая почтительный реверанс, здороваться и прощаться по-французски. Добиться похвалы от нее было очень трудно, почти невозможно, но если это случалось, то запоминалось на всю жизнь» [13, с. 25]. Почти такие же строки нашлись в воспоминаниях Е. Люком, старшей современницы Т. Вечесловой: «Зато за хорошую работу она умела похвалить так, как редко кто другой» [8, с. 146]. Вопрос («А как?») возникает сам собой, но пока ответа на него найти не удалось. Никто из известных нам мемуаристок и современниц Варвары Ивановны не уточнял, что это были за поощрения воспитанниц.

И тем не менее, Директор Императорских театров В. Теляковский в ноябре 1903 года записал в своем дневнике: «Лихошерстову не любят за то, что она строга, будто так ограничивает волю своих воспитанниц, что, выходя из Училища, они бросаются в жизнь очертя голову»⁵ [5, с. 80].

Далее в дневниковых записях Директора за сентябрь 1905 года читаем: «Очень плохо ведут на сцене вновь выпущенные воспитанницы Театрального училища.

⁵ 18 ноября 1903.

Уже с первого года их службы приходится делать им выговоры. По-видимому, строгое воспитание Лихошерстовой мало действует на них...»⁶ [5, с. 510].

Здесь приведем совершенно противоположные впечатления Т. Карсавиной, выпускницы 1902 года: «Хотя правила и запреты училища уже не были властны надо мной, все же сохранялась привычка к известной сдержанности и скромности поведения. Мне все время слышался грозный шелест шелковых юбок Варвары Ивановны» [3, с. 122].

А она действительно старалась педантично исполнять возложенные на нее многочисленные обязанности и это, как видим, ей более чем удавалось.

К ней обращались за разрешением практически всех вопросов, связанных с жизнью женского отделения. В ее архиве, к сожалению, нет записных книжек и дневниковых тетрадей, где бы Варвара Ивановна фиксировала свои мысли, особые впечатления и, может быть, факты внутри училищной жизни. Зато в нем собраны письма от разных лиц и самого разного содержания — «сухие» деловые по службе, родительские просьбы и объяснительные записки, любовные послания воздыхателей вверенных ей учениц, многочисленные визитки, благодарности и поздравления. Все это эпистолярное наследие, как оказалось, может преподнести немало сюрпризов и способствовать проникновению в смысл деятельности инспектрисы.

Первое и самое раннее послание датировано 1895 годом. В нем содержится, более чем странная просьба:

«Покорнейше прошу театральную дирекцию объяснить воспитаннице Станиславе Белинской⁷, что Александра Ульяновна Цвицинская⁸ не её мать и поэтому запретить ей называть меня мамашей...» [14].

Ситуация в самом деле необычная, и письмо из Театральной Дирекции было передано инспектрисе женского отделения училища В. И. Лихошерстовой. Можно не сомневаться, что все возможные меры были ею приняты. Ученица С. Белинская благополучно закончила Театральное училище.

Ценна и любопытна записка на французском языке:

«Мадам!

Я Вас прошу быть любезной сообщить мне день и час, чтобы выбрать девочек и мальчиков для маленького балета «Роман бутона Розы»⁹.

С искренними пожеланиями, М. Петипа. 1903 19 окт.» [15].

Эта коротенькая просьба дополняет эпистолярное наследие М. Петипа и свидетельствует, что и в малых своих балетах для Придворного театра, М. Петипа

⁶ 12 сентября 1905.

⁷ Белинская Станислава Станиславовна (1880–1916) — «незаконнорожденная» дочь девицы Г. Белинской. Первая исполнительница девочки Клары в балете «Щелкунчик» (1892). Артистка балета, выпуск 1899 г. Часто болела, в 1904 г. была помещена в психиатрическую лечебницу как больная преждевременным слабоумием.

⁸ К моменту публикации статьи сведений об А. У. Цвицинской найти не удалось.

⁹ «Роман бутона розы» — балет в 1 действии, 3 картины. Музыка Р. Дриго, хореография М. Петипа. Премьера балета в сезон 1903–1904 гг. в Эрмитажном театре не состоялась.

стремился занимать воспитанников училища, что идеи и планы постановок, пусть даже казавшиеся некоторым старомодными, в начале XX века у него были. К сожалению, премьеры спектакля «Роман бутона Розы», намеченного к постановке в Эрмитажном театре, не состоялась.

Письмо без даты (предположительно 1904–1907 годов — И. П.):

«Многоуважаемая Варвара Ивановна, письмо это Вам передаст режиссер моего театра барон Унгерн и расскажет Вам в чем заключается моя большая, большая просьба к Вам. Буду бесконечно признательна, если не откажете. Простите, что тревожу, уповаю на Ваше всегда милое ко мне отношение. Крепко жму Вашу руку. (Нрзб. Уважающая? — И. П.) Вас. В. Комиссаржевская» [16].

Здесь можно только предположить, что «большая, большая просьба» Комиссаржевской была связана с запросом нескольких воспитанников (1–2 девочек, 2 мальчиков) для спектакля «Кукольный дом» Генрика Ибсена.

Письмо от известного балетного критика и историка Валериана Яковлевича Светлова, который был собирателем разных балетных редкостей, афиш, программ и либретто:

«Глубокоуважаемая Варвара Ивановна

Пересмотрел все собрание имеющихся у меня либретто, и не нашел «Жертвы Амуру». Есть «Шалость Амура» (бал. Л. Иванова, муз. А. Фридмана), но это не то. Не найдете ли Вы его в Типогр[афии] Импер[аторских] Театров, или может быть случайно у г-жи Горшенковой¹⁰ или Е. П. Соколовой¹¹, потому что «Жертвы Амуру, или Радости любви» (бал[ет] М. Пети́па, муз[ыка] Минкуса) был поставлен в 1886 г. парадным спектаклем в Петергофе с этими балеринами. <...> Сюжет балета пасторально-аллегорический в духе XVIII века. ...Но содержание балета я нигде не мог найти...

Искренне преданный и уважающий Вас, В. Светлов. 24 февр. 1914 г.» [17].

В ее архиве хранится несколько писем кавалеров-воздыхателей к старшим воспитанницам. Эти письма, возможно, передавали ей классные дамы после осмотра девичьих тумбочек или швейцар, которого иногда просили исполнить роль «голубя»:

«21 Марта 1904 г.

Моя жизнь, моя радость!

Вчера видел Вас на балетном испытании в Михайловском театре и не нахожу себе теперь нигде покоя. Сердце разрывается на части, хочется на крыльях любви лететь к дорогому существу, но о ужас! — это невозможно. Вы может быть удивитесь, прочитав эти строки, и подумаете, что я ненормальный человек, но, если бы Вы знали, что переживает мое сердце, Вы бы, наверное, не так строго осудили меня.

¹⁰ Горшенкова Мария Николаевна (1857–1938) — дочь артиста и режиссера Н. И. Горшенкова. Училище окончила в 1876 г., танцевала в Мариинском театре до 1893 г. Первая исполнительница партии Гамзатти (1877, «Баядерка»). В 1890-х гг. преподавала в училище.

¹¹ Соколова Евгения Павловна (1850–1925) — училище окончила в 1869 г., балерина Мариинского театра до 1886 г. Балет «Жертвы Амуру, или Радости любви» стал прощальным бенефисом балерины (25.11.1886).

Как только я Вас увидел, что-то защемило в моем сердце и в то же время какое-то радостное, чудное чувство охватило его. Весь балетный спектакль я ни на кого не смотрел, ни о ком не думал, как только о Вас, везде искал Вас глазами и к моему великому счастью Вы опять выступили в дивертисменте... <...>.

Ваш раб Карлуша»¹² [18].

И снова письма и записки от родителей:

«Милостивая Государыня, Варвара Ивановна!

Не нахожу слов выразить Вам свою благодарность, за Ваши любезные хлопоты о моей дочери Клавдии Горевой¹³. Надеюсь, что она постарается оправдать их. Я сочла долгом поблагодарить Вас лично и приехала в среду, но, к сожалению, не застала дома. Еще и еще раз благодарю Вас, добродетельная Варвара Ивановна. Это благодеяние никогда не изгладится из моего сердца.

С истинным почтением, всегда готовая к услугам Вашим.

Александра Горева.

27 июня 1911 г.» [19].

На редкость удивительная объяснительная записка:

«Глубокоуважаемая Варвара Ивановна!

Сегодня утром моя дочь, Ольга¹⁴ так сладко спала, что я пожалел её будить. Принимаю на себя вину и остаюсь в ожидании наказания.

Уважающий Вас Д. Бочаров. 5 октября 1911 г.» [20].

Ещё одна январская записка за 1912 год:

«Милостивая Государыня Варвара Ивановна!

Благодарю Вас за сообщение о болезни моей дочери Лидии¹⁵, которое я получила сейчас.

Благодарная Вам А. Тюнтина. 24.01.1912» [21].

После начала Первой мировой войны именно инспектриса Лихошерстова ведала сбором посылок для простых воинов и господ офицеров. На страницах нескольких тетрадей отражена ее большая работа по фиксации, распределению и отправке для воинов махорки, папирос, нижнего носильного белья, шарфов, варежек (которые некоторые артистки балета и воспитанницы вязали) и денег. Здесь же хранится благодарность от воинов.

¹² Имя воспитанницы, которой написано это письмо, не обозначено самим автором письма, как и его собственная фамилия.

¹³ Горева Клавдия Матвеевна (род. 1899–??) — дочь мещан. Училище окончила в 1918 году. Выступала только в кордебалете. Прекратила службу в театре в 1921 г.

¹⁴ Бочарова Ольга Дмитриевна — окончила Театральное училище в 1919 г. Более подробных сведений о ней нет. Записка отца с обозначенной датой (5 окт. 1911 г.) написана в первый год обучения дочери в училище.

¹⁵ Тюнтина Лидия Михайловна (1899–1989) — окончила Театральное училище в 1917 г. (пед. К. М. Куличевская), артистка балета и педагог.

Письмо из действующей армии от 26 февраля 1916 года:

«Простите может быть мы своим письмом не вовремя потревожим Вас, но мы не можем не высказать той глубокой благодарности Вам, которую Вы больше чем заслужили своею к нам любовью, заботой и трудом, положенным на то, чтобы (Нрзб. Доставить? — И. П.) такие милые для нас подарки. Сердечно благодарим Вас от всего нашего 3 Горско-Моздокского полка, за эти подарки, за Вашу память и любовь к нам — воинам. Как дорога эта связь, как это действует на нас ободряющим образом, что нас помнят, заботятся о нас и любят нас, что мы не одни, а и Вы и с Вами весь тыл с нами заодно. Вы надейтесь на нас воинов: нас много, мы крепки и сильны, ничто не сломит нас, мы победим. Турок уже бежит и бежит без оглядки. Да поможет нам Бог.

От души желаем Вам всех благ и крепкого здоровья.

Казаки 3 Горско-Моздокского полка» [22].

Варвара Ивановна вела регулярную переписку с некоторыми артистками Мариинского театра (Е. Смирновой, Ю. Седовой). В её архиве хранятся многочисленные письма-ответы от этих балерин, которых инспектриса знала с самого их поступления в училище. Также сохранилось одно послание от О. Преображенской. На наш взгляд, это — любопытнейшее письмо, которое характеризует настроения людей после Февральской революции:

«19.03.1917.

Многоуважаемая Варвара Ивановна,

Как-то Вы поживаете и что будет и как будет с нашей школой. К экзаменам мне приехать не удастся очень уж я далеко забираюсь к (этому? — И. П.) времени (Закаспийск[ий] край).

В провинции все хорошо, ликование сплошное. Но Боже мой можно ли было думать уезжая, что вернешься и не найдешь ничего прежнего!

Душа и радуется, и болит.

Целую Вас крепко, искренне Вас любящая и уважающая О. Преображенская» [23].

Мысли, высказанные в письме, оказались пророческими: «С начала революции и особенно в сезоны 1918–19 и 1919–20 гг. школа переживала чрезвычайно тяжелый кризис в своем существовании, и были моменты, грозившие даже совсем прекратить бытие этого единственного в своем роде учреждения и лишь благодаря титаническим усилиям директора школы А. А. Облакова, инспектрисы В. И. Лихошерстовой и инспектора Г. Г. Исаенко — училище сохранилось» [24, с. 403].

И после революции она оставалась на своем посту и стала хранительницей лучших традиций бывшего Императорского училища. Хотя это было совсем не просто. Проверки и комиссии от новой власти, собрания педагогического коллектива, перебои со снабжением, добыча одежды и белья для учащихся — всё это также ложилось на плечи начальницы...

А. В. Теляковский писал в «Воспоминаниях»: «Петербургскому балетному училищу надо пожелать на долгие годы еще иметь во главе женского отделения совершенно исключительную по своим качествам инспектрису В. И. Лихошерстову,

находящуюся и поныне на службе, женщину умную, тактичную, знающую и тонко наблюдательную: она принесла немало пользы петербургскому балету за тридцать лет своей службы» [2, с. 160].

Она старалась быть полезной всегда, даже когда обстоятельства были против неё. После революции жизнь стремительно менялась, а уже пожилая инспектриса продолжала нести вахту в вверенном ей учебном заведении. Удивительный эпизод вспоминает Т. Карсавина, которая после революции ещё оставалась в Петрограде, работала в театре и была выбрана председателем одного из нескольких театральных комитетов: «В введении комитета находилось и балетное училище, и в роли просительницы пришла ко мне Варвара Ивановна. Такая перемена ролей казалась мне отвратительной; я попросила пожилую женщину, чтобы она посылала за мной, когда у нее возникнет какая-либо необходимость... В следующий раз я пришла к ней. Впервые я увидела ее комнаты. Так вот из каких приятных и уютных комнат появлялась пугающая фигура, облаченная в черный шелк. Мне было искренне жаль, что грозная «бука» моей юности лишилась своего бывшего престижа. Кроткая, слегка ссутулившаяся пожилая дама просила меня уберечь училище от предполагаемых реформ» [25, с. 282].

Т. Вечеслова в воспоминаниях писала: «В последние годы пребывания в училище она значительно изменилась — стала мягче, сердечнее» [13, с. 25]. Действительно, последние ее воспитанницы обращались к ней без страха и робости, даже посылали коллективные письма:

«Дорогая и любимая Варвара Ивановна!

Извините нас за наше долгое молчание, мы никак не могли собраться с мыслями, до того все здесь было ново и необыкновенно для нас. Вот уже 1 1/2 (полторы) недели как мы находимся в Совхозе, а время пролетело так быстро и незаметно. Целые дни мы проводим на воздухе, поэтому все очень загорели и чувствуем себя прекрасно. Природа у нас очень красива и разнообразна и нам страшно жалко, дорогая Варвара Ивановна, что нельзя наслаждаться природой вместе с Вами. У нас здесь во всех отношениях хорошо. <...> Будет масса ягод земляники, брусники, черники и малины, которые скоро поспеют. <...> Все мы часто вспоминаем Детское село, наш красивый сад и ясно представляем себе гуляющую по аллеям нашу дорогую и любимую Варвару Ивановну и нам искренно жаль, что мы не можем быть вместе с Вами. Хочется написать Вам так много интересного и нового, порадовать Вас, но в письме всего не выскажешь. Ждем с нетерпением весточки о Вас из Детского села и целуем Вас крепко-крепко.

Искренно любящие Вас, Ваши воспитанницы: Н. Анисимова, Г. Березова, Л. Ширпина, Н. Виноградова, В. Каминская, В. Воробьева I¹⁶, З. Зайончковская, М. Семенова, В. Вахрушева, Т. Вечеслова, О. Берг II¹⁷, М. Блинова.

25-го июня 1924 г.» [26].

¹⁶ Римская цифра означает, что упомянута одна из двух или более воспитанниц с аналогичной фамилией. Воробьева Валентина (?) — выпуск 1928 г.

¹⁷ Упомянута одна из двух или более воспитанниц с аналогичной фамилией. Берг Ольга Максимилиановна (1907–1991) — выпуск 1925 г.

Это письмо одно из последних, полученных ею в должности. В 1924 году Варвару Ивановну Лихошерстову уволили по возрасту — ей шел уже 71 год. Она еще некоторое время продолжала жить на казенной квартире, а затем переехала в Дом Ветеранов сцены им. М. Г. Савиной, где и скончалась в возрасте 81 года в 1935 году. На Смоленском кладбище, где по документам [27, с. 236] покоится ее прах, могилы найти не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров Р. Слово о танце. М.: Молодая гвардия, 1977. 158 с.
2. Теляковский В. А. Воспоминания. Л.-М.: Искусство. 1965. 484 с.
3. Карсавина Т. П. Театральная улица. Л.: Искусство. 1971. 248 с.
4. Фокин М. М. Против течения. Л.: Искусство. 1981. 510 с.
5. Теляковский В. А. Дневники Директора Императорских театров. СПб. 1903–1906. М.: А.Р.Т. 2006. 928 с.
6. Ваганова А. Я. Статьи, воспоминания, материалы. Л.-М.: Искусство. 1958. 344 с.
7. Гордеев П. Н. Петроградское Театральное училище в марте — августе 1917 г. // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб.: ЭлекСис. 2016. 121 с.
8. Люком Е. М. Воспоминания // Борисоглебский М. Материалы по истории русского балета: в 2-х т. Л.: Лен. гос. хореограф. училище. 1939. Т. 2. 356 с.
9. Лисовская Н. Л. Воспоминания о петроградском театральном училище // Вестник Академии Рус. балета им. А. Я. Вагановой. СПб. 1995. № 4. С. 18–26.
10. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/379.
11. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/383.
12. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/55; № ГИК 7713/56.
13. Вечеслова Т. М. Я — балерина. Л.-М.: Искусство. 1964. 272 с.
14. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/102.
15. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 663/62.
16. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/200.
17. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 663/74.
18. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/367.
19. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/168.
20. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/130.
21. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/330.
22. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 663/70.
23. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/256.
24. БИРЮЧ Петроградских государственных театров: сб. II. 1921. Изд-во Петроград. гос. театров. 424 с.
25. Карсавина Т. П. Театральная улица. Воспоминания. М.: Центрополиграф. 2004. 319 с.
26. СПбГМТиМИ. Ф. 130. № ГИК. 7713/347.
27. Дом ветеранов сцены им. М. Г. Савиной // Учетная книга. Уч. запись № 35.